

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ — МЕДНЫЙ ВСАДНИК: СИНКРЕТИЗМ ОБРАЗА КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ В ОДНОМ ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

В. В. Кузнецов

ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей», Торжок

В статье рассматривается фрагмент фольклорного текста о календарном обряде обхода стада в день св. Георгия Победоносца. В нем изображение святого на иконе «Чудо о змие» отождествляется с Медным всадником — статуей Петра Великого работы Э. Фальконе. В результате проведенного анализа можно заключить, что их слияние было обусловлено синкретическим характером образа культурного героя в произведениях фольклора и имеет мифопоэтические истоки, единые для устного народного творчества и произведений «высокого» искусства, а образ культурного героя в рассказе, вследствие этого отождествления, близок к десемантизации.

Ключевые слова: Георгий Победоносец, Петр I, Медный всадник, икона «Чудо Георгия о змие», синкретизм, культурный герой, духовный стих, петербургский текст, мифопоэтическая традиция.

В 1990–1991 гг. сотрудники Всероссийского историко-этнографического музея (Торжок) и Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) проводили экспедицию в Торжокском и Кувшиновском районах Тверской области с целью сбора сведений о календарных обычаях и обрядах. В д. Тавруево Торжокского района в ответ на вопрос о том, какие обряды и обычаи сопровождали первый выгон скота в поле, который происходил в праздник святого Георгия Победоносца 23 апреля, от Анны Дмитриевны Тарасовой (1901 г. р., образование полкласса) была получена следующая информация.

Корреспондент: Какую икону брали, когда стадо обсекали (обходили. — В.К.)?

Информант: Ягорий Победоносец.

К: А кто он такой?

И: А он такой мальчик молоденький... и на коне он. Белый конь такой. Яво вот почему-то мучили: в яму бросали, в огонь, к хвосту привязывали и таскали. А вот он все живой... И вот, он на коне — икона эта.

К: Рассказывали, что он змея поборол?

И: Так вот он змей-то у лошади в ногах-то.

К: Не рассказывали, что этот змей ему сделал? Почему он змея поборол?

И: Ня знаю. Это дедушка рассказывал. В Ленинграде, на Невском-то стоит, на коне-то. Стоит сейчас-то или сломавши?

К: Стоит.

И: Это дедушка рассказывал, что змей коню ноги обвил. Надо бы яму сказать: «Богово да мое», а он хотел на коне перескочить Неву и сказал: «Мое да Богово все». Вот змей явился да обвил ноги. Я там была один раз.

Очевидно, что соотнесение памятника Петру I в Санкт-Петербурге с Георгием Победоносцем было возможным только в том случае, если в обряде «обсекания» использовалась икона «Чудо Георгия о змие». На ней св. Георгий, как и Петр I, представлен сидящим на коне, а у ног коней обоих всадников находится поверженный змей (змея). Однако отождествление иконописного изображения святого змеборца и конной статуи российского императора обусловлено не только их формально-выразительной схожестью, но и тем, что в народнопоэтической традиции их образы имеют черты культурного героя.

В духовных стихах Георгий Победоносец (Егорий Храбрый) выступает как демиург-устроитель и защитник «земли светло-русской». Вступая в противоборство со своим антагонистом царем Демьянищем, Георгий движется по пути, на котором преодолевает ряд препятствий («застав») и совершает действия, значение которых заключается в борьбе с хаосом и упорядочивании пространства посредством утверждения православной веры. Продвижению Георгия мешают горы, леса, реки и моря. Все они расходятся, рассыпаются, расступаются, растекаются «по Божьему все велению, по Георгиеву все молению». Герой сталкивается со зверями могучими, рогатыми, лютыми и «стадом волчьим» или «серыми волками прыскучими». Им он приказывает «есть и пить повеленное», заселиться по всей «земле светло-русской» и плодиться «по степям-полям без числа» [2, № 99–111, с. 397–492].

На одной из «застав» Егорий побеждает «стадо змеиное», а на последней — огненного змея:

Ягорий свет поезжаючи,
Святую веру вотверждаючи,
Наезжал Ягорий на люта змия,
Люта огненна.
<...>

Ягорий свет проглаголовал:
«Во люта змия, люта огненна!
Хоть и съешь меня, да не сыта будешь,
Не ровен кусок, змей подавишься!
Раскрошил ее на части мелкия» [2, № 99, с. 401–402].

Змееборчество сближает Георгия с героями-змееборцами русских былин: Добрыней Никитичем, Михаилом Потыком и Ильей Муромцем [1, с. 301], а также с некоторыми христианскими святыми в их народно-церковной перцепции: Ильей пророком, мечущим стрелы-молнии в змея или дьявола, Феодором Тироном или Стратилатом, который в русском отреченном сказании и духовном стихе освобождает свою мать от змея и считается отцом св. Георгия, и Михаилом Архангелом, который, согласно Библии, побеждает дракона или змия-сатану [1, с. 293; 3, с. 1–13, 85–86]. В этом контексте икона «Чудо Георгия о змие» приобретает символический религиозный смысл: змий становится воплощением дьявола, сатаны и вообще злых сил.

Мотив змееборчества, характеризующий образы вышеназванных героев и святых, является рефлексом основного мифа славянской мифологии, основу которого составляет поединок бога грозы с противником хтонической природы — змеем. Во время поединка громовержец мечет в него стрелы-молнии, а в результате его победы освобождаются живительные воды, которые удерживал змей; атрибутами громовержца являются белый конь и копье [6, с. 4–5].

Фольклорный образ св. Георгия как демиурга-землеустроителя поразительно соответствует тому, каким автору Медного всадника Этьену Фальконе виделся образ Петра. Скульптор так сформулировал свой замысел памятника: «Я ограничусь только статуей этого героя, которого я не трактую ни как великого полководца, ни как победителя, хотя он, конечно, был и тем и другим. Гораздо выше личность создателя, законодателя, благодетеля своей страны, и вот ее-то и надо показать людям. Мой царь не держит никакого жезла, он простирает свою благодетельную десницу над объезжаемой им страной. Он поднимается на верх скалы, служащей ему пьедесталом, — это эмблема побежденных им трудностей» [5, с. 8].

Отсутствие в руках Петра жезла находит соответствие в тех вариантах духовного стиха о Егории Храбром, в которых святой побеждает змия не оружием, а закланием:

Святой Егорей проглаголуит:
«Рассыпья, змей, в части мелкия
И войди ж ты, змей, во сыру землю,
Пей ты ешь с сырой земли,
Будешь ты сыт биз эстава,
Биз мене, Егорья Хораброва» [2, № 100, 106, с. 407, 465–466]:

Памятник Петру I с момента его создания и, вероятно, уже до этого окружало несметное количество преданий и легенд, формировавших вокруг него мифологический пласт петербургского текста [10, с. 93–96; 11, с. 788, 809, примеч. 25]. В этом мифопоэтическом контексте отождествление Медного всадника с Георгием Победоносцем придает Петру черты, сближающие его с богом-громовержцем, а сам памятник становится своеобразной «иллюстрацией» основного мифа. Постамент, выполненный в форме волны, приобретает значение водного, нижнего мира, в котором обитает противник громовержца — змей, а змея, попираемая конем Петра, становится символом самого этого противника [11, с. 797–798]. Вероятно, именно поэтому она интерпретируется как символ поверженных императором врагов, хотя никаких документальных обоснований этого нет. К поединку бога-громовержца со змеем отсылает и название огромного камня, из которого сделан пьедестал памятника, — «Гром-камень», или «камень Гром».

Следует отметить, что змее Фальконе придавал особое значение, видя в ней не только опору для ног и хвоста коня. «Не могу не сказать вашему величеству, — писал он Екатерине II, — что многие из видевших змею признали в ней замысел тем более удачный, что она возвышает мысль, поддерживает всю работу, а быв выполнена в настоящем виде, скрывает необходимость, заставившую к ней прибегнуть» [9, с. 79].

В рассматриваемом рассказе есть объяснение того, почему змея — воплощение зла — опутала ноги коня Медного всадника: «Змей коню ноги обвил. Надо бы яму сказать: „Богово да мое“, а он хотел на коне перескочить Неву и сказал: „Мое да Богово все“. Вот змей явился да обвил ноги».

Этот эпизод восходит к легенде об основании Петербурга, согласно которой «большая река Нева очень понравилась царю-батюшке Петру. И он решил на берегах реки построить город, а реку в гранит одеть. Он собрал люд работающий, стал молиться Богу, а потом вскочил на коня и крикнул: „Богово и мое!“ — и перелетел Неву. Второй раз крикнул: „Богово и мое!“ — и опять перепрыгнул Неву. В третий раз крикнул царь: „Мое и Богово!“ — и не долетел, шлепнулся вместе с конем в воду. Народ же гудел и радовался. Царь вышел из воды, снял свой треух, поклонился на все четыре стороны и объявил: „Люд православный! Прежде Богово, а потом уж наше! Начнем! С Богом!“ А через несколько лет царица-матушка Екатерина повелела на том месте поставить памятник Петру и его коню. Бают, что он и сейчас стоит, а в известный день в году летает над Невой» [10, с. 24]. Существует другой вариант этой легенды. В ней все, как в первой, за исключением финала. Два раза Петр восклицает: «Все Божье и мое!» — и оба раза прыжок через Неву удается. Прыгая третий раз, он сказал: «Все мое и Божье!», после чего «окаменел с поднятой рукой в наказание за гордыню» [10, с. 94].

В рассказе А. Д. Тарасовой присутствует одна деталь, которая, возможно, раскрывает причину актуализации в нем петербургской легенды с упоминанием змея, обвившего ноги коня. По мнению рассказчицы, памятник стоит на Нев-

ском проспекте, однако хорошо известно, что он находится на Сенатской площади. Эту неточность можно объяснить тем, что дедушка Анны Дмитриевны, рассказывавший ей о памятнике, и, возможно, она сама подходили к памятнику именно по Невскому проспекту и воспринимали Адмиралтейский проспект и Сенатскую площадь как продолжение и завершение главной улицы Петербурга. Следовательно, они сначала видели монумент сзади: именно с этой точки обзора отчетливее всего раскрывается его хтоническая тема — змея, видимая по всей своей длине. Эта тема развивается при обходе памятника справа и слева. «Змея не поражена окончательно, и случится ли это вообще, сказать трудно — слишком сильно влечет к себе всадника иное, и сейчас ему уже не до змеи, а борьба тем не менее продолжается: об этом свидетельствуют и вздымающиеся на поверхности скалы витки ее тела, и то, что нога коня, прижавшая змею к скале, в свою очередь прочно обвита ею, и она готова умереть, но не отказаться от борьбы» [11, с. 798].

В свете сказанного о мифопоэтических основах отождествления Георгия Победоносца и Медного всадника обвивание змеей ног коня императора выглядит как антитеза победы Георгия в духовном стихе над «змеиным стадом», которое мешает устройению «земли светло-русской». В рассказе А. Д. Тарасовой эта помеха становится Божьей карой за то, что Георгий Медный всадник поставил себя выше Бога. Поэтому оппозицию *мое / Богово*, перенесенную в рассказ из петербургской легенды, можно расценить как проявление темы богохульной подмены Петром I собой апостола Петра в названии основанного им города [11, с. 796–797]. С мифопоэтической точки зрения, эта подмена лишила императора его внутренней сущности, имплицированной в его имени: Петр на греческом значит «камень». Теперь Петр I не может быть образом, земным воплощением апостола, к которому обращено предсказание Христа: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16: 18). Отсюда возможна интерпретация змеи у ног коня Петра уже не как символического изображения поверженных им врагов или как змеевидного противника славянского бога-громовержца, а как апокалипсического зверя, выходящего из моря в конце времен, «дракона змия древнего, который есть дьявол и сатана» (Отк. 13: 1; 20: 2). Вероятно, поэтому рассказчица выражает сомнение, стоит ли памятник Петру в Ленинграде «или сломавши». Поскольку для нее Медный всадник то же самое, что Георгий Победоносец, то в этом сомнении угадывается печаль-тоска по безвозвратно ушедшим временам «земли светло-русской», когда верили в заступничество святых и чудотворную силу их икон, и ощущается осознание того, что настоящее — это эпоха победы змея над героем-змееборцем.

Так созданный полуграмотной крестьянкой образ Георгия Победоносца оказывается парадоксально созвучным зловещему образу Петра Медного всадника в петербургском тексте русской литературы, что дает возможность рассматривать некоторые авторские тексты с мифопоэтической точки зрения.

В пушкинском «Медном всаднике», который аккумулировал в себе целый ряд петербургских мифов, легенд, преданий, анекдотов и слухов, мелкий чиновник Евгений, потеряв в наводнении свою возлюбленную, понимает, что именно Петр виноват в ее смерти: он основал город в непригодном для жизни месте. Евгений грозит Медному всаднику, и тот соскакивает со своего поста-мента и мчится за безумцем [8, с. 284–300]. В свете вышеизложенного Петра, преследующего Евгения по улицам полузатопленного Петербурга, можно интерпретировать как инверсию или антитезу образа Георгия Победоносца — защитника русской земли и русских людей, как своего рода «анти-Георгия».

Близкий мотив обреченного города присутствует в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»: «А что как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» [4, с. 218]. В народнопоэтическом восприятии это значит, что «земля светлорусская» примет вновь неустроенный вид, а в ее сакральном центре будет возвышаться бронзовый демиург-отступник Георгий Медный всадник.

Еще более рельефно эта тема прослеживается в трудах русского философа Г. П. Федотова: «Петербург умер и не воскреснет. В его идее есть нечто изначально безумное, предопределяющее его гибель... Здесь совершилось чудовищное насилие над природой и духом. Титан восстал и против земли, и против неба и повис в пространстве на гранитной скале» [12, с. 50–52]. В этих словах на ином уровне осмысления по сути проявилась с давних пор существовавшая в петербургском фольклоре мифологема изначальной предопределенности гибели города Петра. Ее концентрированным выражением можно считать пророчество, приписываемое преданием жене Петра Евдокии Лопухиной: «Быть Петербургу пусту!» [10, с. 89]. Но у Федотова «Петербург» уже не просто город, основанный Петром, а воплощение петербургского периода русской истории.

Итак, образ культурного героя, который в рассказе А. Д. Тарасовой воплощается св. Георгием на иконе «Чудо о змие», имеет синкретический характер. Он представляет собой результат слияния народнопоэтического образа этого святого и образа Петра I в легенде об основании Петербурга и появлении фальконетовского памятника. В результате этого слияния признаки демиурга-землеустроителя и защитника «земли светло-русской» в образе св. Георгия Победоносца нейтрализуются негативными характеристиками Петра Медного всадника, вследствие чего образ культурного героя в рассматриваемом рассказе обнаруживает тенденцию к десемантизации.

Важно отметить, что слияние образов Георгия Победоносца и Петра Медного всадника стало возможным прежде всего вследствие присутствия в сознании рассказчицы мыслительных парадигм, основанных на глубинных архетипических пластах русской духовной культуры, которые отражены как в устном народном творчестве, так и в произведениях «высокого» искусства: скульптуре, иконописи и литературе.

Список литературы

1. *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. С. 292–310.
2. *Бессонов А. П.* Калеки переходные: сборник стихов и исследование. М.: тип. А. Семена, 1861. Ч. 1, вып. 2. 830 с.
3. *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. СПб.: Имп. АН, 1879. 160 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 8. 816 с.
5. *Зарецкая З. В.* Фальконе [электронный ресурс]. URL. <http://unotices.com/book.php?id=228510&page=8>. Дата обращения 27.02.2018. (Французский источник: *Reau, L. Etien-Mauris Falkonet.* Paris: Demotte, 1922. Vol. 2. S. 357–358).
6. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследование в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 306 с.
7. *Пропп В. Я.* Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. 464 с.
8. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. 540 с.
9. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Имп. АН, 1876. Т. 17. 420 с.
10. *Синдаловский Н. А.* История Петербурга в преданиях и легендах. М.: Центрполиграф, 2016. 720 с.
11. *Топоров В. Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
12. *Федотов Г. П.* Лицо России: статьи 1919–1930 гг. Рига: УМКА–Press, 1988. 330 с.

Об авторе

КУЗНЕЦОВ Виктор Владимирович, канд. филол. наук, зам. директора по научной работе
ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей, e-mail: tiveriada@yandex.ru